

Ма Цзэци, услышав, что снова придется тратиться, замахал руками:

— Нет-нет, не надо!

Тан Кайцэ с улыбкой взъерошил ему волосы:

— Глупый, я же дарю тебе вещи, чтобы видеть, как ты ими пользуешься, — только тогда мне будет радостно.

Цзэци немного посомневался, но в итоге принял подарок. Он снова обнял Тан Кайцэ:

— Брат Кайцэ, спасибо тебе.

Кайцэ опустил взгляд и заметил, что запястье мальчика обмотано марлей. Он тут же засучил его рукав:

— Это еще что такое?

— Пустяки, просто царапина, — ответил Ма Цзэци. — На самом деле можно было и не забинтовывать, но сестра побоялась инфекции и настояла.

Тан Кайцэ взял его руку в свою и, нахмурившись, спросил:

— Где это ты так оцарапался?

— В моей старой начальной школе. Мы с сестрой вчера возвращались из средней школы, проходили мимо деревни Вдов и увидели, как мой старый учитель чинит крышу. Я полез помогать и... — Он виновато добавил: — ...нечаянно свалился с лестницы.

Сердце Кайцэ болезненно сжалось, он нахмурился еще сильнее.

— Мне совсем не было больно, честное слово! — попытался оправдаться Цзэци. — Только кожу чуть содрал. Не веришь — могу развязать и показать!

Кайцэ перехватил его руку, не давая снять бинт:

— Впредь не берись за такие опасные дела. И что твой учитель? Ему же за пятьдесят, зачем он сам на крышу полез? Разве за ремонт школы не должны отвечать власти, прислав профессиональных рабочих?

Ма Цзэци покачал головой:

— Не знаю.

Тан Кайцэ на мгновение задумался, но развивать тему не стал. Вместо этого он спросил, как успехи в учебе и нет ли сложных тем.

Он просидел над учебниками, объясняя мальчику задачи до самой полуночи, и только тогда они легли отдыхать.

На следующее утро Кайцэ проснулся и, глядя на спящего, точно поросенок, Ма Цзэци, не удержался и легонько ткнул его в щеку.

Затем он бесшумно выбрался из постели, обулся, сунул под подушку Цзэци двести юаней и тихо ушел.

На самом деле он хотел дать Ма Цзэци гораздо больше, чтобы тот жил в достатке, но боялся вызвать подозрения. Приходилось слушаться отца и пока скрывать правду от всех.

Старики обычно спят чутко, а в деревне стоит рассвети, как на улицах уже кто-то появляется.

Только Тан Кайцэ вышел от Ма Цзэци, как вдалеке показались прогуливающиеся деды да бабки. На душе у него необъяснимо стало беспокойно. Сообразив, что к чему, он припустил к дому трусцой.

Он даже первым окликнул их:

— Гуляете? А я вот на пробежку вышел!

Старики благодушно помахали ему руками, но стоило ему отбежать подальше, как одна старушка прошамкала:

— Какая там пробежка, ни свет ни заря... небось только что из-под одеяла какой-нибудь вдовушки вылез.

— Точно, — поддакнул дед.

За поворотом Кайцэ встретил старосту. Тот шел с черпаком для нечистот, направляясь чистить выгребную яму у кого-то из жителей.

Кайцэ остановил его:

— Староста, а что, начальная школа в деревне Вдов совсем разваливается? Почему её не перестроят?

Он помнил, что когда они только переехали сюда, эта школа уже стояла. Спустя столько лет она наверняка пришла в упадок. Дети из всех окрестных деревень учатся там, и вопрос безопасности нельзя игнорировать.

Староста сокрушенно вздохнул:

— А то я не знаю? Мы, старосты нескольких деревень, подавали совместное прошение, но наверху говорят — денег нет. Всё тянут с перестройкой, выделяют каждый год гроши на латание дыр, на рабочих даже не хватает.

Тан Кайцэ кивнул, в голове у него уже созрел план.

— Я, конечно, буду и дальше подавать заявки, — продолжал староста. — Скоро сезон дождей, детям в школу ходить опасно. Ну ладно, Кайцэ, если ничего срочного, я пойду. Почищу у деда Ма, а потом еще надо деду Ма-второму корову помочь найти, а после — к тетке Сун идти мирить их, а то они с мужем так цапаются, что крыша ходуном ходит.

Тан Кайцэ только и смог выдавить:

— Понятно... Ну, ступайте тогда.

— И то верно, — староста закинул черпак на плечо и зашагал прочь.

В этот приезд Тан Кайцэ остался всего на одну ночь. На следующий день после обеда он уже собрался уезжать.

Перед уходом он вывел Тан Кайци за ворота и долго давал наставления.

— Веди себя хорошо, будь осторожен. Скоро жатва начнется, смотри не получи солнечный удар, в самый полдень на поле не суйся.

— Угу.

— Приглядывай за Мими, не зацкливайся только на своем червяке. И когда будешь лечить Мими глаза, осторожнее будь, не сделай хуже.

Кайци поправил его:

— Его зовут Куайкуай.

— Не перебивай! — Кайцэ закатил глаза, но, подумав о том, что еще долго не увидит брата, смягчил тон:

— Ты теперь что, каждый день гу используешь?

— Угу.

Кайцэ ущипнул его за щеку и снова спросил:

— И после этого ты всё так же чувствуешь упадок сил, слабость и апатию?

— Ну да, — честно ответил Кайци. — А вчера вечером еще и кровь носом пошла.

Правда, он сам не знал, от гу это было или от того, как Чжун Мань его сцапал.

Услышав про кровь, Кайцэ не на шутку встревожился:

— Не смей использовать его каждый день! Помнишь, как в детстве ты с помощью гу выманивал пиявку у меня из ноги, а потом два дня в обмороке лежал? Ты управляешь паразитом силой духа, а бабушка предупреждала: пока не найдешь способ стабилизировать её, частить нельзя.

Силы духа обычного человека не хватало на долгое управление гу, тем более таким «королем паразитов». Бабушка говорила, что контроль за счет изнурения духа — это, по сути, растрата собственной жизни. Он не знал, помнит ли Тан Кайци эти слова.

Кайцэ очень боялся, что брат погубит себя из-за этого проклятого червяка. Он с тревогой смотрел на Кайци, хотел уговорить его бросить это занятие, но понимал: тот не согласится. К тому же гу, признавший хозяина, — это не та вещь, которую можно просто выбросить.

Все эти годы он ломал голову над проблемой брата, перерыл все книги о гу. Те, кто растил подобных паразитов, чаще всего умирали от истощения духа, не доживая до старости. Средний срок жизни составлял всего сорок лет. Вот и бабушка ушла, едва перешагнув за пятьдесят, — и это в их кругах считалось долголетием.

Тан Кайци же вел себя так, будто ничего не случилось:

— Да пустяки, брат, не бери в голову. Я знаю меру.

Тан Кайцэ вздохнул:

— Я искал для тебя информацию. Недавно слышал, что в Пекине жил один мастер иглоукалывания, у него был особый метод для успокоения духа — это могло бы тебе помочь. К сожалению, сам мастер скончался, но остались два его лучших ученика. Я уже велел разузнать их адреса. Как только найду, обязательно отвезу тебя к ним.

— Ого, брат, ну ты и даешь, — удивился Кайци. — Всё-то ты можешь разнюхать. Только... лечение у таких мастеров, небось, кучу денег стоит?

Кайцэ хлопнул его по макушке:

— Об этом не беспокойся. Сколько бы ни стоило, я тебя вылечу.

С этими словами он достал из кармана несколько купюр и протянул брату:

— В следующий раз я, может, только к празднику Середины осени выберусь. Возьми эти деньги на расходы.

Тан Кайци округлил глаза и стал отталкивать руку:

— Я не могу взять, брат! Тебе с родителями и так несладко приходится на чужбине, не надо мне денег.

Кайцэ настойчиво вложил их ему в ладонь:

— Даже если сам не потратишь, на лечение глаз Чжун Маня деньги нужны, верно? Не сочти за ворчание, но не полагайся слишком на червяка. Чаще води Чжун Маня в больницу, если врачи скажут, что есть улучшения — тогда продолжай. Но запомни: не доводи себя до изнеможения. Почувствуешь недомогание — немедленно прекращай.

Закончив, он вспомнил наказ отца и прошептал:

— Это моя заначка, родители не знают. Им — ни слова.

Если родители узнают, что он втайне подсовывает брату деньги, нагоняя не миновать. Особенно от отца — Кайцэ до смерти боялся, что у брата заведутся лишние деньги. Вдруг он снова откормит своего паразита так, что тот чей-нибудь дом спалит?

Тан Кайци, вытаращив глаза, спросил:

— Брат, а с чего это ты заначки копишь?

— А ты как думаешь?

Кайци захлопал ресницами, разглядывая чистое и красивое лицо брата, и выдал:

— Брат, ты часом не на панель подался?

Тан Кайцэ лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/18973/1864245>